

⁴⁷ Рассказы о двадцатом году // Смоленские епархиальные ведомости. 1912. № 1. С. 20–21.

⁴⁸ РГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 3465, ч. 10, л. 142–154.

⁴⁹ Орловский Дымчат-партизан 1812 года // Исторический вестник. 1902. № 10. С. 260.

⁵⁰ РГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 3465, ч. 10, л. 71–71 (об.).

⁵¹ Там же, л. 18.

⁵² Там же, л. 19.

⁵³ Василий Григорьевич Рагузин, причетник-герой 1812 года // Душецелесное чтение. 1868. № 8. С. 100–101.

⁵⁴ РГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 3465, ч. 10, л. 99–99 (об.); Малышкин С.А. Калужский край в 1812 году: по материалам архива А.М. Михайловского-Ланилевского // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года. Материалы научной конференции, посвященной 181-й годовщине Малоярославецкого сражения. Малоярославец, 1994. С. 83–90.

⁵⁵ Рассказы о двадцатом году // Смоленские епархиальные ведомости. 1912. № 3.

⁵⁶ Розин Н.П. Московские святыни в 1812 году. М., 1912. С. 55–56.

⁵⁷ РГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 3465, ч. 10, л. 184–185.

⁵⁸ РГВИА, ф. 796: оп. 95, д. 1152, л. 20.

⁵⁹ РГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 3465, ч. 11, л. 475–475 (об.).

⁶⁰ Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. Под ред. К. Воснинского. Т. III. СПб., 1912. С. 226; 241.

⁶¹ Там же. С. 233.

⁶² Там же. С. 249.

⁶³ Собрание Высочайших манифестов... С. 103.

© 2002 г. В.Н. ЗЕМЦОВ*

«ФРАНЦУЗСКОЕ» БОРДИНО

(французская историография Бородинского сражения)

Битва 1812 г. стала одной из важнейших вех в российской и мировой истории. Ее события, кульминацией которых было Бородинское сражение, неизменно вызывают большой интерес историков, писателей и публицистов, создавая иллюзию о некой «прозрачности» и очевидности их причин, хода и последствий. В сущности, все книги о Бородинском сражении с удивительным постоянством воспроизводят в каждой отдельно взятой стране одни и те же национально-организованные сюжеты и вызывают одни и те же национально-определенные чувства. Историческая память каждого народа, участвовавшего в сражении или наблюдавшего его издалека (как, например, обстояло дело с англичанами и американцами), базируется на каком-то одном, строго определенном мифе, созданном под воздействием коллективных представлений той или иной нации и благодаря различным идеологическим манипуляциям, производимым государственной властью. В настоящей статье мы обратимся к тому мифу о Бородинском сражении, который сформировался во французской историографии.

Еще не закончилась Бородинская битва, как в 3 часа пополудни 7 сентября 1812 г.** начальник штаба национальной армии маршал Л.-А. Бертье отправил министру иностранных дел Франции Г.-Б. Маре, герцогу Бассано, сообщение о выигранном сражении: «Его величество атаковал врага в 5 часов утра. Он (враг. – В.З.) совершенно разбит. Сейчас 3 часа, враг полностью отходит, император его преследует!». Через 3 дня в Можайске Наполеон собственноручно составил 18-й бюллетень Великой армии², где попытался представить «битву при Москве-реке» как полную и решительную победу над русскими войсками. По утверждению бюллетеня, уже к 8 часам утра неприятель был

* Зеников Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета.

** Все даты даны по новому стилю.

выбит со всех позиций и, хотя еще пытались затем их возвратить, всюду был отброшен, а к 2 часам пополудни сражение фактически было закончено. Русские потери оценивались в 40–50 тыс. человек, французские – в 10 тыс. «Не было подобного поля битвы, – говорилось в бюллетене. – Из шести трупов один принадлежал французу, а 5 – русским». Согласно бюллетеню, битва представала как упорное сражение, которое благодаря гением солдата французской армии гению Наполеона было решительно выиграно: русская армия полностью разбита, а дорога на Москву открыта. Конечно, эта картина сражения во многом была рассчитана на публику, как свою, так и европейскую.

Было бы неверно утверждать, что все, написанное в бюллетене, являлось выдумкой хитроумного политика и полководца. Проявив 7 сентября величайшую доблесть и отбросив противника, солдаты Великой армии ощущали себя победителями. Впереди была Москва, которая ассоциировалась с почетным миром. Из 93 сохранившихся писем, отправленных чинами национальной армии после Бородинского сражения в сентябре 1812 г. (25 из них принадлежат маршалам и генералам, 52 – офицерам, 3 – чиновникам, 7 – рядовыми, а у авторов 12 писем чины и должности идентифицировать не удалось), ни в одном нет сомнений в одержанной победе, хотя многие авторы и признают большие потери французов³.

Последующие события (пожар в Москве, полное трагизма отступление из России, ожесточенная борьба в 1813–1814 гг. и реставрация Бурбонов) заставили французов на время отложить воспоминания о сражении при Москве-реке, однако уже после первого отречения императора в 1814 г. в Париже стали выходить публикации о русской кампании, авторы которых писали о Бородинском сражении⁴. При этом первая попытка оценить действия Наполеона в Бородинской битве была явно неудачной. Гораздо более аргументированной была точка зрения участника сражения Э. Лабома (1783–1849), служившего в 1812 г. в штабе 4-го корпуса вице-короля Италии Е. Богарне. Его повествование выходило за рамки обычных воспоминаний, и перед читателем впервые предсталая панорамная картина сражения. Основываясь почти исключительно из своих воспоминаний и записок, которые он делал во время похода, Лабом все же смог показать, как важно было для национальной армии заставить русских принять сражение, разгромить их и войти в Москву. Автор не пытается дать глубокий анализ хода и результатов сражения, но посвященные ему страницы были проникнуты трагическим ощущением бесполезности великих жертв французской армии⁵. Работа Лабома, написанная в атмосфере поиска французами новых политических и правственных ориентиров, быстро завоевала популярность. Наполеон, изгнанный на остров Св. Елены, и его ближайшее окружение восприняли эту книгу как «очередной пасквиль».

Но голос бывшего императора французов услышали только после его смерти. Пока же от имени не сломленных бонапартистов выступил барон Ф.-Ф.Г. де Водонкур, в 1812 г. бригадный генерал, командир 2-й бригады 15-й пехотной дивизии 4-го армейского корпуса⁶. Его книга вышла в Лондоне на французском языке. Генерал, пережив все перипетии кампании 1812 г. и побывав в русском плену, что сделало его убежденным скептиком, сохранил веру в величие Наполеона и французского солдата. Избегая скопируемых выводов об итогах Бородинского сражения, Водонкур сделал попытку выяснить численность участвовавших в нем войск, их размещение, передвижения и потерю. Однако ограниченность документальной базы заставила его следовать главным образом за 18-м бюллетенем, внося, правда, некоторые корректировки.

Мало-помалу стала расширяться документальная база, необходимая для описания Бородинского сражения. В 1817 г. были опубликованы мемуары главного хирурга французской армии Д.-Ж. Ларрея. Значительную часть 4-го тома он посвятил 1812 г. и доказал два сражения при Бородино⁷. Не стремясь давать собственные оценки ходу и масштабам действий, Ларрея тем не менее представил катастрофическое состояние санитарной службы французской армии, пристекавшие, как можно было понять, из стратегических просчетов национального командования. Это и предопределило то, что в результате изнурительной логики за русской армией ради генерального сражения французские войска оказались к его началу чрезвычайно измотанными. Одновременно с

Не было ничего удивительного в том, что книга Сегюра встретила неоднозначную оценку у современников. Многие приверженцы покойного императора отнеслись к ней как к предательству. Особенно пенствовствовал Гурго, который сразу начал писать отповедь клеветнику, и уже на следующий год издал собственную книгу «Наполеон и Всеславская армия в России, или критический разбор работы г-на де Сегюра»²¹. По мнению Гурго, Сегюр написал только эффектную мелодраму. Поэтому сам он стремился во что бы то ни стало опровергнуть все утверждения Сегюра об императоре и о Бородинском сражении. Оспаривая Сегюра, Гурго не хотел упустить ни одной детали, которая, как он считал, искала истину. Бородинская битва, по его мнению, была не просто выиграна Наполеоном, а выиграна блестяще, следствием чего и стало занятие французами русской столицы. Что же касается отказа Наполеона ввести в бой гвардию, то, во-первых, Молодая гвардия была использована для сохранения поля боя, а во-вторых, атака гвардии могла бы и не иметь решающего значения и привела бы лишь к расстройству главного резерва. Вообщем же Гурго считал, что невозможно было действовать при Бородино более разумно, чем действовал Наполеон.

Сегюр счел публикацию Гурго оскорбительной. Обмен письмами между ними в конечном итоге привел к дуэли, закончившейся ранением Сегюра. Этот первый спор о Бородинском сражении, который его участники попытались разрешить столь «ненаучно», рельефно обозначил основные вопросы «бородинской темы»: результаты сражения; степень и характер влияния Наполеона как главнокомандующего на ход битвы; значение отказа использовать гвардию на результаты сражения и др. В добавок как Сегюр, так и Гурго, сделали известными исторической науке ряд важных деталей Бородинского сражения.

В 1827 г. опубликовал свой труд еще один участник похода на Россию барон А. Фэн (1778–1837). В 1812 г. он был секретарем кабинета Наполеона и поэтому мог поведать о многом. Его работа, называвшаяся «Рукопись 1812 г.»²², в действительности была исследованием, сделанным на основе собственных воспоминаний и сохранившихся бумаг, но главным образом на базе опубликованных к тому времени материалов. Пожалуй, Фэн был первым среди французов, кто воспользовался «Военной историей кампании в России» русского полковника Д. П. Бутурлина, изданной на французском языке впервые в 1824 г. Силы сторон Фэн оценивал как равные (120–130 тыс. человек), причем русские могли, считал он, пользоваться всеми преимуществами местности. План атаки Наполеон разработал с учетом опасности отхода русских войск в случае попытки французов обойти их позиции. Сам император был деятелем как накануне, так и в ходе самого сражения: он «видел все, и заботился обо всем». Однако ряд инцидентов в самом начале сражения (примеру, выход из строя многих военачальников в частях маршала Даву) наряду с упорным сопротивлением неприятеля создали для французских войск серьезные затруднения. Героическими усилиями они были преодолены, и сражение выиграно, хотя и с серьезными потерями (22 тыс. человек выживших из строя).

Почти одновременно с Фэном опубликовал свой четырехтомный труд знаменитый А.-А. Жомини²³. Будучи в 1812 г. начальником исторической секции в штабе Великой армии, он стал на некоторое время губернатором Вильно, а затем Смоленска и не участвовал в Бородинском сражении. Однако, располагая достаточными материалами, в том числе уже опубликованными к тому времени работами, Жомини попытался обозначить место Бородинского сражения в общей стратегии Наполеона. Вторгаясь в Россию, как представлялось Жомини, тот не имел определенного плана действий. После того, как ему не удалось дать генеральное сражение у Витебска и Смоленска, Наполеон, исходя во многом из политических соображений, уже не мог остановиться, не принудив русских к миру. «Моральный дух ее (французской армии. – В.З.) и самый состав из двадцати разноплеменных народов, требовали, чтобы я поддерживал ее деятельность наступлением...», – так передал Жомини размышления Наполеона²⁴. Численность обеих армий была одинаковой – от 125 до 130 тыс. человек с каждой стороны, но у французов было тысяч 15 ветеранов, между тем как у русских было такое же число онокленцев и казаков²⁵.

С самого начала сражения, по мнению Жомини, случилась целая цепь частных сбоев в реализации плана (от задержки частей Даву и Нся с овладением «флешиами» и зализывания с переброской корпуса Жюно встык между частями Даву и Понятовского по отсутствию скординированности атаки дивизии Морана на «большой редут» с развитием событий на южном фланге). Свою линту в смысла плана внесла и атака русской кавалерии северного крыла. Удар гвардии, как писал Жомини от имени Наполеона, мог бы «быть очень выгоден, но отказ мой неизъяснимо считать ошибкой. Неприятель показал еще довольно твердость». Остравившись на болезн императора в день сражения, Жомини отверг утверждение о заметном ее влиянии на исход битвы. Причина осторожности Наполеона была в другом: «Победа, как бы она ни была несовершенна, – говорил Жомини от имени Наполеона, – должна была отвратить мне врага Москвы. Как только мы овладели позицией левого фланга, я был уже уверен, что неприятель оставит поле сражения в продолжение ночи. Для чего же было добровольно подвергаться опасным последствиям новой Полтавы?»²⁶ Общие потери с той и другой стороны автор оценивал в 80 тыс. человек. В целом, испытав на себе некое вление русской историографии, Жомини усилил традицию «жесткого реализма», существовавшую со временем Шамбрэ во французской историографической традиции.

Примерно в том же ключе была написана и обширная статья генерала Ж.-Ж.-Ж. Пеле-Клозо, в 1812 г. – полковника, состоявшего при штабе помононца начальника штаба по пехоте генерал-адъютанта Ж. Мутона, графа Лобо²⁷. Пожалуй, это было наиболее взвешенное, глубокое и убедительное описание «сражения при Москве-реке», вышедшее из-под пера участника битвы. По мнению Пеле, Наполеон, поставив своей целью разбить русскую армию в генеральном сражении и двигаясь к Москве, вынудил тем самым русских принять баталью. Численность французской и русской армий Пеле оценивал как равную, но внутреннее состояние французских войск считал заметно выше состояния противника. Французские войска, по словам автора, отличались инициативностью, храбростью и превосходной организацией, в то время как русские солдаты, несмотря на стойкость и патриотизм, отличались «храбростью бездейственной» и «страдальческим повиновением».

Подробно описав поле сражения, Пеле пришел к выводу, что Наполеон не имел возможности понять назначение правого русского фланга, расположившегося севернее Московской дороги, и считал, что дает «почти фронтальное сражение» армии Кутузова. Пеле, в целом согласившись с мнением Шамбрэ о сути наполеоновского плана сражения, отметил, что французские войска действовали против русских «концентрически», не распыляя при своем продвижении наступающие колонны и артиллерию, а наоборот, сближая их друг с другом, как бы усиливали свой фронт и наносили большой урон неприятелю. Осевший ход боя за Семеновские высоты и батарею Раевского, автор попытался понять, почему героические усилия Даву и Нся не завершились полной успешноком. Не возлагая на кого-либо из французских военачальников персональной ответственности за это (за исключением Понятовского, да и то косвенным образом), Пеле показал обусловленность патовой ситуации объективными обстоятельствами, проис текавшими из сложности руководства боем и из случайных моментов. Захват батареи Раевского, на которую после падения Семеновских укреплений опирался левый фланг армии Кутузова, также не привел к окончательной победе, так как оставалась еще горянские укрепления, прикрывавшие отход русской армии. Наполеон, как признал Пеле, «был не очень» доволен следствиями сражения. Пленных почти не было. Французская армия «была утомлена таким продолжительным и упорным сражением». Ссылаясь на Ларрея, Пеле оценивал французские потери в 21–22 тыс. человек, а русские (вслед за Д. П. Бутурлиным) – в 50 тыс. Основную вину за проигранное русской армии сражение автор возложил на Кутузова. Действия Наполеона, хотя и не лишенные ошибок, в том числе и решение не посыпать гвардию в огонь, он оценил достаточно высоко.

В конце 1820 – начале 1830-х гг. стали уходить из жизни многие ветераны наполеоновских войн, свидетели и участники кампании 1812 г. Через 11 лет после смерти

А.-О.-Л. де Коленкура, герцога Виценского, вышли его воспоминания²³. Как можно было предположить, они не только сделали известными многие детали Бородинской битвы, но и вышли далеко за рамки собственно мемуарного жанра, став своего рода исследованием о событиях 1812 г. По мнению Коленкура, император, опасаясь отхода русской армии, решился на фронтальный бой и это обусловило результаты сражения. Особую роль в этом сыграл отказ от использования гвардии, что, впрочем, Коленкур и не осуждал, и не одобрял. «Эти успехи без пленных, без трофеев», — писал он о Наполеоне, — не удовлетворяли его». Говоря о катастрофическом состоянии французской армии после сражения, Коленкур дал понять, что Наполеон не достиг своей цели, и взятие Москвы без разгрома русской армии было обесцено. Особое внимание при описании Бородинского сражения Коленкур, конечно же, уделил геронической смерти своего брата Огюста-Жана-Габриэля, дивизионного генерала и коменданта Главной квартиры императора, овладевшего, по мнению автора, Курганной высотой.

В 1842 г. увидели свет и воспоминания бывшего инспектора смотров в кабинете начальника штаба Великой армии барона П.-П. Денье²⁴. Его свидетельства и размышления о Бородинской битве и особенно цифры потерь, которые он приводил, сыграли заметную роль в зарубежной историографии сражения. Не претендую на глубокий анализ его хода, Денье остановился на поведении Наполеона в те дни, отметив его кипучую деятельность 5 и 6 сентября: «Он видел все, он предвидел все, он был всюду как в самые прекрасные дни своей славы». Однако 7 сентября Наполеон с раннего утра страдал от сильной головной боли, и его влияние на ход битвы оказалось более скромным, чем можно было ожидать ранее. Численность русских войск Денье оценивал в 162 тыс. человек, а французских — не более чм в 140 тыс. Денье первым во французской историографии попытался оценить потери французской армии на основе документальных материалов. Он привел цифры из рапорта, представленного им на основе данных начальников корпсовых штабов маршала Берттье (вероятно, 21 сентября): 49 выбывших из строя генералов (из них 10 убитыми), 37 полковников (10 убитыми), 6547 офицеров, унтер-офицеров в солдат убитыми и 21453 ранеными. Берттье, получив эти сведения, приказал Денье держать их в секрете²⁵. Одновременно Денье представил Берттье список убитых и раненых 5 и 7 сентября 1812 г. генералов и полковников²⁶, который, как мне представляется, был недостаточно точным. Так, значившийся в нем бригадный генерал П.-Ж. Грасье был ранен ис под Москвой, а под Смоленском, полковник Тулуз был смертельно ранен еще под Балтийской горой и т.д. Это заставляет признать данные Денье все же недостаточно точными и нуждающимися в дальнейшей проверке.

На фоне литературы о Наполеоне, выходившей во Франции в 1840-е гг., книга Денье выглядела ярким исключением из правил. Еще с конца 1830-х гг. юношеская монархия, готовясь к переносу праха Наполеона во Францию и после этого, стала активно пропагандировать культ покойного императора. Огромными тиражами выходили воспоминания Наполеона, мемуары о нем и его времена. Французские беллетристы бросились писать книги о Наполеоне, издававшиеся, как правило, с многочисленными иллюстрациями, передел талантливые исполненные (скажем, И. Беланже или Шарле), но неизменно рассчитанные на широкую публику и создававшие для народа сказочно-зримый облик эпохи Первой империи. В потоке этой литературы Бородинское сражение почти неизменно описывалось в духе наполеоновской легенды. Начавшая выходить в 1845 г. многотомная «История Консульства и Империи» Л.-А. Тьера первоначально также укладывалась в рамки всячески раздуваемого культа императора.

В эпоху Второй империи интерес к наполеоновским войнам и «русской кампании» еще более возрос. В 1855 г. вышла работа генерала П. Бертезна²⁷, по существу представлявшая собой историческое исследование. Опираясь на опубликованные материалы, используя документы и карты военного дела и, конечно, собственный опыт, Бертеzel (который, правда, в 1812 г. был бригадным генералом в дивизии Молодой гвардии А.-Ф. Делаборда и не участвовал в Бородинском сражении) попытался нарисовать общую картину битвы. Наиболее интересными были его рассуждения о потерях французской армии. Он полагал, что они составляли примерно 22600 человек, так как по

собственному опыту знал, что командиры частей, не желая подавать рапорты о тех солдатах, которые по разным причинам оказались вне полков, нередко сознательно занимали потерю. Автор считал, что в Москве армия потеряла примерно 4–5 тыс. солдат, внесенных в рапорты как выбывшие из строя²⁸.

В 1856 г. вышел 14-й том «История Консульства и Империи» Тьера, посвященный русской кампании²⁹. Хотя этот труд и носил характер «официальной» истории, он не был лишен и критических элементов. Многие деятели и писатели Второй империи, «не смев нападать на третьего Наполеона, старались дискредитировать первого»³⁰. Тьер, с одной стороны, давал отпор этим нападкам, а с другой — не мог их не учитывать. Говоря о подготовке Наполеона к генеральному сражению, он целиком опирался на выводы своих предшественников (Шамбрэ и др.), соглашаясь с ними в высокой оценке плана императора. Численность сил Тьер определял в 127 тыс. у французов, «одушевленных верой и необыкновенным жаром», и в 140 тыс. у русских, включая 20 тыс. иррегулярных войск³¹. Само сражение историк постарался описать достаточно подробно, почти не пытаясь, однако, подвергнуть его ход анализу. Следуя за многими своими предшественниками, он писал о слабой активности Наполеона в день сражения из-за простуды и о его отказе от использования гвардии. Впрочем, это решение императора, который во что бы то ни стало хотел сохранить последний резерв в 8 сотнях лье от Франции, Тьер воспринял как свидетельство ошибочности самого русского похода. Результаты битвы автор оценил как победу, но «не абсолютно полную», а потери — в 20–21 тыс. выбывших из строя у французов (из них 9–10 тыс. убитыми) и 60 тыс. — у русских³².

Наиболее последовательным ответом на критику «русского похода» Наполеона стала в те годы публикация корреспонденций императора. 23-й и 24-й тома, посвященные кампании 1812 г., вышли в 1868 г.³³ Создателям этого издания, трудившимся над ним по распоряжению Наполеона III, удалось опубликовать материалы, проливающие некоторый свет на место генерального сражения в общем стратегическом замысле императора и освещавшие деятельную и многостороннюю подготовку к битве. Документы в целом подтверждают прежнюю мысль о стремлении Наполеона уничтожить русскую армию в генеральном сражении. В конечном итоге, нагнав русскую армию только к Москве, Наполеон, однако, не исключал и неблагоприятного для себя исхода сражения. Эта мудрая предусмотрительность, возможно, и новлияла на отказ от использования значительной части гвардии в ходе генеральной битвы.

Среди литературы, выходившей в годы Второй империи и затрагивавшей русскую кампанию 1812 г., большой интерес представляли воспоминания полковника П. Пельпора, командира 18-го линейного полка 3-го корпуса Ней³⁴. Как и многие его предшественники, Пельпор предпринял попытку исторического исследования войны 1812 г., обратившись к ранее выпущенным работам (Шамбрэ, Фэна, Сегюра и др.). Не скрывая своего презрения к «темным и северным московитам», Пельпор тем не менее отдал должное их стойкости. Он особо остановился на отказе от использования гвардии, полностью оправдывая это решение Наполеона и подчеркивая, что даже Сегюр в Гурго были вынуждены разделить мысль о рискованности для французов оставаться без последнего резерва. Было довольно и того, подчеркивал Пельпор, что Молодая гвардия охраняла захватчину поля битвы, а гвардейская артиллерия вела огонь. В целом же победа, «столп дорогое купленная, была нерешительной; она нас огорчила!» — воскликнул автор. Французские потери он давал по Денье (примерно 28 тыс.), русские оценивал в 50 тыс. человек³⁵.

Те же цифры (и тоже явно по Денье) приводил и Р.-Э.-Ф.-Ж. де Монтескье, герцог Фезенсак, служивший начальником эскадрона у Берттье, а после Бородина ставший командиром полка 3-го корпуса Ней. В 1863 г. он выпустил полный вариант своих воспоминаний³⁶. Бородинское сражение было написано Фезенсаком на основе компиляции материалов своих предшественников. Однако совершение новой и неожиданной была оценена им состояния французской армии после боя. Приняв 12 сентября 4-й линейный полк, Фезенсак, ранее наблюдавший армию только из штаба, обнаружил истинное положение дел. «С первого дня я был поражен вымотанностью войск и их малой численностью.

В штабах ценили только результаты, не думая, чего они стоили, и они (штабные. – В.З.) реально не знали состояния армии; но приняв командование полком, я... узнал истинную степень несчастья... Никогда еще мы не несли столь тяжкие потери: никогда еще моральное состояние армии не было столь поколеблено». Войска походили на армию, «потерпевшую поражение, это было тем более странно после решительного боя, когда в котором открыла для нас ворота Москва»⁴². Впрочем, оценки Фезенсака, которые он подтверждал данными по своему полку и 25-й пехотной дивизии, не привлекли особого внимания французских исследователей. В целом же в годы Второй империи, несмотря на заметную идеализацию Наполеона и его армии, французская историография смогла несколько расширить круг используемых источников и подтвердила тезис о нерешительных результатах Бородинского сражения.

Несмотря на сокрушительное поражение Франции в войне с Пруссией в 1870–1871 гг. и крах Второй империи, французы в конце XIX в. сохранили стойкий интерес к наполеоновской тематике и войне 1812 г. Но этот интерес приобрел новые черты. Во-первых, начался массовый выход в свет материалов малоизвестных участников событий офицерского и даже сержантского составов⁴³. Прежний интерес, сосредоточенный почти исключительно на фигурах Наполеона и видных восачальщиков, начал постепенно сменяться вниманием к простым офицерам и солдатам. При этом французы как нация, которую в 1871 г. постигла трагедия, искали духовную опору в своей великой истории, что вело к еще большей мифологизации событий 1812 г. и прежде всего Бородинского сражения.

Во-вторых, французская историография Бородина стала утрачивать свою антирусскую заостренность. Для Франции начался поиск стратегического союзника, которым в те годы могла стать только Россия. Новая международная ситуация заставляла французов подвергнуть образы своей исторической памяти заместной корректировке. Особенно показательны в этой связи работы известнейшего специалиста по русской истории А.-Р. Рамбо и профессора Л. Пинго⁴⁴. Рамбо попытался понять динамику франко-русских отношений, показав, в частности, и факторы, сближавшие оба народа. Интересно отметить, что он посетил Бородинское поле и, повествуя о надписях, выбранных на бородинских памятниках, которые были призваны увековечить русские мифы о войне 1812 г., счел своим долгом их опровергнуть (особенно те, которые касались количества потерь сторон). Реальные потери составили, по его мнению, 28–30 тыс. бойцов французской армии и до 58 тыс. – у русских. Вместе с тем Рамбо воспроизвел все те сюжеты и легенды, с которыми представление француза неизменно связывало Бородино (героическую гибель О. Коленкура, великолепную храбрость И. Мюраты и т.д.). В аналогичном ключе была выдержана и книга Пинго. Бородино, по его мнению, должно было стать не только символом противоречий и борьбы двух народов, но и частью той истории, которая ее обнажает.

Завершился XIX в. выходом в свет солидного труда известного статистика французской армии А. Мартиньена, собравшего исключительные по ценности сведения о потерях среди офицерского состава наполеоновской армии в 1805–1815 гг.⁴⁵ Распределение потерь по дням сражений и по полкам, Мартиньен дал читателям возможность представить интенсивность ведения боевых действий каждой воинской частью в ходе Бородинского сражения. Несмотря на бесспорную важность этих сведений, труд Мартиньена, к сожалению, все же не повлиял на решение вопроса о точных потерях французских войск 5–7 сентября 1812 г.

Заметный интерес во Франции к русской кампании сохранялся вплоть до Первой мировой войны. Этот интерес проявлялся не только со стороны писателей и историков, но и со стороны военных кругов. Примером тому может служить издание 5 томов документов, осуществленное военным архивистом Г. Фабри в 1900–1903 гг.⁴⁶ Эти материалы могли принести пользу при анализе проведения крупных стратегических операций, однако документов, касавшихся непосредственно Бородинского сражения, там оказалось немного. Источниковая база продолжала расширяться и за счет других документальных публикаций, осуществленных в начале XX в. генералом Дерекаэ, истори-

ром Артуром Шюке, потомком генерала Ж.-Д. Компана Терно-Компаном⁴⁷, и др. Увеличился также поток воспоминаний, дневников и писем французских участников событий⁴⁸. Как и ранее, поразительным было то, что, несмотря на резкое увеличение объема доступных исследователям источников, французская историческая наука даже не попыталась этим воспользоваться. В итоге в начале XX в. не было опубликовано ни одной работы, автор которой обращалась бы к теме Бородинского сражения.

После Первой мировой войны интерес со стороны французских исследователей и общественности к тематике 1812 г. заметно иссяк. Только после Второй мировой войны, с возникновением темы «атлантической солидарности»,новые стали обсуждаться история «русской кампании» 1812 г. В 1949 г. был опубликован 12-й том «Истории Консульства и Империи» Л. Мадена, освещавший русский поход⁴⁹. На основе традиционной еще для середины XIX в. документальной базы автор решительно оценил Бородинское сражение как полную победу французской армии. Главной же причиной неудачи кампании в целом он считал пожар в Москве. В еще более классическом боево-партистском духе представлял события 1812 г. А. Фюзье, объяснив провал похода пространством, климатом, иснемогими человеческими ресурсами России и «варварским» обычаем русских. Бородино, как и другие сражения 1812 г., сыграла, по его мнению, незначительную роль. При этом борьба Наполеона с Россией рассматривалась им через призму враждебности интересов России и Западной Европы, наводя читателей на мысль о явных параллелях с ситуацией 40–50-х гг. XX в.⁵⁰

К началу 1960-х гг. отношение французских историков к войне 1812 г. заметно изменилось. Президент Ш. де Голль говорил о Наполеоне как о «сверхчеловеческом гении», объединившим французскую нацию⁵¹. Именно национальный, а не общемировой контекст его политики стал теперь главной сферой интересов французской общественности. При этом образ России постепенно терял зловещие черты, характерные для традиционной наполеоновской легенды. В этой связи особенно интересной выглядела книга известного специалиста по русской истории Константина де Грюнвальда «Русская кампания. 1812»⁵². Он создал калейдоскопическую картину Бородинского сражения, основанную на отрывках из воспоминаний и работ участников событий, сопроводив их собственными комментариями. При этом привлечение ряда новых материалов, а именно воспоминаний некоторых русских и немецких участников сражения (генерал-квартирмейстера 1-й Западной армии К.Ф. Толя, старшего адъютанта М.Б. Барклайя де Толли В.Г. Левенгуттера, обер-квартирмейстера 1-го кавалерийского корпуса К. Клаузевица, младшего лейтенанта саксонского драгунского полка фон Лайсника и др.), было совершенно необычным для французской историографии, которая основывалась почти исключительно на французских источниках. Несмотря на это, картина сражения оказалась мозаичной, а работа слишком поверхностной.

Своего рода вершиной (впрочем, тоже относительной) стала книга барона Ж. Тири – корреспондента Института Наполеона⁵³. Тири попытался опереться в своей работе на наиболее достоверные документы: переписку Наполеона, книги Фэна, Коленкура, Дение, Кастелана и др. В поисках ранее неизвестных материалов он обратился к неопубликованным бумагам генералов Теста, Тири, лейтенанта Люте, А. Коленкура, которые, однако, только подтверждали то, что было известно и ранее из уже опубликованных документов тех же самых участников сражения. Уделив значительное внимание различным деталям периода подготовки Бородинской битвы и ее хода, автор тем не менее пошел к ним поверхности, не прибегая к перекрестной проверке данных источников. Сделанное им описание Бородинского сражения оказалось полно неточностей и сомнительных, с точки зрения достоверности, красивых легенд. Хотя автор и старался выдержать сдержаный и беспристрастный тон, не делая каких-либо категорических выводов, он по существу лишь пересказал уже известный ход событий.

Не пошло дальше Тири в исследовании сражения и другой автор – Ж. Блонд, издавший в 1979 г. книгу «Великая армия. 1804–1815»⁵⁴. Он вновь привлек внимание к состоянию здоровья Наполеона накануне и в ходе сражения, пересказав уже опубликованные сведения. В его работе заслуживал внимания только один момент. Приводя став-

шне давно известными данными Денье о французских потерях, Блонд усомнился в их точности. По его мнению, в эти цифры не было включено значительное количество пропавших без вести, число которых не поддается учету. Реальные французские потери, пропавшие без вести, число которых не поддается учету. Реальные французские потери, пропавшие без вести, число которых не поддается учету. Реальные французские потери, пропавшие без вести, число которых не поддается учету.

В 1981 г. вышла в свет научно-популярная книга Т. Транье и Ж. Кармийяни⁵⁵. Авторы, демонстрируя уважительное отношение к стойкости русских в Бородинском сражении, вместе с тем некритически воспроизвели все известные наполеоновские легенды, прежде всего о головной боли у императора, как чуть ли не единственной причине нереалистичных результатов «московречской битвы». Французские потери они оценивали в 30 тыс., русские – в 50 тыс. человек.

Значительно большая глубина анализа была продемонстрирована Жаком Гарнье в маленьком очерке «Бородино» в знаменитом «Слонаре Наполеона» Ж. Тюлара⁵⁶. По мнению Гарнье, перед сражением Наполеон оценивал русскую позицию как сильную, но все же приемлемую для атаки французов. План его заключался в том, чтобы сбрасывая русских с «флешей», а затем оттесив их к «большому редуту», перейти в решительное фронтальное наступление и нанести им иное поражение. В самом сражении автор выделил два периода: 1) с 6 до 10 часов утра, когда центр сражения был сосредоточен у Семеновских укреплений; 2) с 10 часов утра до 6 часов вечера, когда Наполеон предпринимал энергичные усилия с целью вытеснить русских с оставшимися у них позиций, что полностью удалось, так как император напрасно не решился ввести в бой гвардейский резерв. Потери сторон Гарнье определял традиционно для французской историографии: 30 тыс. солдат Великой армии (из которых 9–10 тыс. убитыми) и 50 тыс. русских (из них 15 тыс. убитыми).

В отличие от англо-американской историографии 1812 г., где в 1970–1990-е гг. нашел отражение количественный метод в исторических исследованиях и стало ощущаться влияние некоторых направлений «новой научной истории» и даже «микроистории» с ее интересом к роли субъективного начала, во французской историографии войны 1812 г. все это оказалось слабо заметным. Пожалуй, единственным исключением явилась статья генералов Бернар-Жакка Ле Сенера и Эмиля Лакомба, в которой они на основе материалов Бородинской битвы предложили математический метод выявления воздействия главнокомандующего на результативность боя⁵⁷. Генералы делали вывод, что Наполеон, будучи более, не проявил под Москвой своей обычной решительности и это непосредственным образом отразилось на ходе сражения.

В 1990-е гг. французские исследователи не издали ни одной заметной работы, посвященной 1812 г. и Бородинскому сражению. Эта тема, видимо, представляется им в целом исчерпанный. Только в 2000 г. французский военный историк Ф. Уртуль издал книгу «Москва-река – Бородино: битва редутов»⁵⁸. Хотя автор ввел в научный оборот несколько новых документов из французских архивов, однако он не поставил под сочленение ставшую традиционной для французской историографии картину Бородинского сражения. Работа Уртуля стала еще одной иллюстрацией к образу «французского» Бородина.

Подведем итоги. История французской памяти о Бородинском сражении тесно связана с теми чувствами и настроениями, которые испытывали французские солдаты накануне, во время и сразу после этой исторической битвы. Будучи уверенными в предстоящем победе перед боем и проявив в его ходе редкий героизм и воодушевление, они, хотя и не сомневались в достоинстве восточных солдат, были убеждены в достигнутой победе. Несмотря на то, что победа была неполной и досталась небывало высокой ценой, наполеоновская пропаганда и факт вступления Великой армии в Москву вытеснили из сознания многих солдат со мнения о отношении результатов Бородинской битвы. Последовавший затем пожар в русской столице и страшное отступление еще больше оттеняли в памяти славу битвы при Москве-реке.

Несмотря на объективистско-критический тон многих работ, начиная с книг Лабома и Шамбро, более сильной оказалась та интерпретация Бородина, которая была предложена самим Наполеоном. Она была сильна прежде всего тем, что апеллировала

к естественному стремлению французов читать примеры воинской доблести своих предков и черпать в памяти о них жизненные силы в годину драматических поворотов национальной истории (как, скажем, это произошло после франко-прусской войны 1870–1871 гг.). К тому же наполеоновская интерпретация Бородинского сражения оказалась достаточно простой и легкой для массового восприятия, сохранения и передачи ее из поколения в поколение. Несмотря на известную деформацию первичного мифа (что происходило во многом под влиянием внутриполитических и внешнеполитических обстоятельств), он на протяжении почти двухсот лет оставался в своей основе прежним. Именно этим во многом и определяется пр沃тность тех результатов, которые демонстрирует французская историческая наука в изучении Бородина.

С одной стороны, французские историки обозначили ряд ключевых проблем (место сражения в стратегических планах Наполеона; численность французских войск и их соединение; французский план предстоящего сражения; роль, которую сыграл отказ императора от полномасштабного использования гвардии; степень и характер воздействия главнокомандующего на ход сражения; потери сторон и результаты «московречской битвы»), а также проделали значительную работу по выявлению и публикации большого массива разнообразных источников. С другой стороны, французская историография присущи и многочисленные недостатки. Она за редким исключением игнорировала и игнорирует зарубежную литературу и зарубежные источники. Оставлены вне поля зрения многочисленные немецкие, польские, англо-американские и особенно русские материалы и работы. Это обстоятельство имеет следствием не только обеднение источников базы, но и постоянное толпление французских исследователей последних десятилетий на месте, невозможность для них выйти за пределы уже давно обозначенной тематики и укоренившихся мифов. Обращает на себя внимание и отсутствие попыток комплексного использования источников, в том числе и французских. Большая часть опубликованных во Франции документов, дневников и мемуаров почти не введена в научный оборот самими французскими исследователями. В настоящее время практически прекратилось выявление новых материалов по истории Бородинского сражения и войны 1812 г. в целом. Попытка Тирри привлечь ряд документов из частных коллекций и Национального архива оказалась не только единственной за последние десятилетия, но и очень слабой.

Примечания

¹ Chauquet A. Lettres de 1812. P., 1911. Sér. I. P. 11–12. См также: Castellane E.-V.-B.-B. Journal. T. I. P., 1895. P. 149–150.

² Bulletins officiels de la Grande Armée. Campagne de Russie et de Saxe. P., 1821. P. 99–104.

³ РГВИА, ф. 151, оп. 1, д. 92, л. 70–70 об.; ОР РГБ, ф. 41, к. 165, ед. 25, л. 1–4; Chauquet A. Op. cit. P. 24–25, 26–30.

⁴ Bourgeois R. Tableau de la campagne de Moscou en 1812. P., 1814; Durdent R. Campagne de Moscou en 1812. P., 1814.

⁵ Labaume E. Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812. P., 1814. Книга Лабома выдержала пять изданий на французском, 5 – на английском и несколько на других языках. Далее цитирую по английскому изд.: Labaume E. A circumstantial narrative of the Campaign in Russia. L., 1814.

⁶ Vaudoncourt F.-F.-G. Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie, en 1812. L., 1815. T. 1–2.

⁷ Larrey D.-J. Mémoires de chirurgie militaire et campagne. T. 4. P., 1817.

⁸ [Pujibuisque L.-G.] Letters sur la guerre de Russie en 1812. P., 1817. Русский перевод: Пюибюску. История о войне в России 1812 г. М., 1833.

⁹ Bulletins officiels... P. 125–136. Раньше также опубликованы: Langlois C.J. Panorama de la bataille de la Moscova. P., s.d.

¹⁰ Chambry G. Histoire de l'expédition de Russie. T. 1–2. P., 1823. Второе и третье парижские издания вышли в свет в 1825 и 1838 гг. Далее цит. по изд.: Chambry G. Histoire de l'expédition de Russie. T. 1–3, T. 2. P., 1838.

¹¹ Ibid. T. 2. P. 57, 61

- ¹² Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte-Hélène par les généraux qui ont partagés sa captivité. T. 1–8. P., 1822–1825.
- ¹³ Las Cases A.-E.-D.-M. Mémorial de St.-Hélène. T. 1–2. P., 1823. Далее цит. по изд.: Las Cases A.-E.-D.-M. Mémorial de Sainte-Hélène. T. 1–2. P., s.d.
- ¹⁴ Илл. по: Собуль А. Герой, легенда и история // Французский ежегодник. 1969. М., 1971. С. 234.
- ¹⁵ О методах работы Наполеона над историческими сочинениями см.: Gonnard Ph. Les origines de la légende napoléonienne. P., 1906; Собуль А. Указ. соч. С. 233–254.
- ¹⁶ Las Cases A.-E.-D.-M. Op. cit. T. 1. P. 165, 454; T. 2. P. 143–144, 391; O'Meara. Napoléon dans l'exil // Las Cases A.-E.-D.-M. Op. cit. T. 2. P. 639; Montholon. Histoire de la captivité de St.-Hélène. Т. 2. Bruxelles, 1846. P. 97–98.
- ¹⁷ Las Cases A.-E.-D.-M. Op. cit. T. 2. P. 340.
- ¹⁸ O'Meara. Op. cit. P. 698.
- ¹⁹ Las Cases A.-E.-D.-M. Op. cit. T. 2. P. 166.
- ²⁰ Séguir Ph.-P. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. Т. 1–2. P., 1824. Книга Септуар пересказывалась более 30 раз на французском, не менее 12 – на немецком, более 10 раз – на английском.
- и других языках. Существующие русские переводы, к сожалению, очень слабы и неполны: Сегюр Ф.И. Бородинское сражение. Киев, 1901; его же. Поход на Москву в 1812 г. М., 1911; его же. Поход в Россию. М., 1916 и др.
- ²¹ Gourgaud G. Napoléon et la Grande Armée en Russie, ou Examen critique de l'ouvrage de M. le comte Ph. de Séguir. P., 1825.
- ²² Fain A. J.-F. Manuscrit de 1812. Т. 2. P., 1827.
- ²³ Жомини А.-Н. Vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui même au tribunal de César, d'Alexandre et de Frédéric. Т. 1–4. P., 1827. Русский перевод: Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. Ч. 1–5. СПб., 1840. Далее цит. по 3-му русскому изд. 1844 г.
- ²⁴ Жомини А. Указ. соч. Ч. 2. С. 281.
- ²⁵ Там же. С. 290.
- ²⁶ Там же. С. 299–301.
- ²⁷ Pélée J.-J. Bataille de la Moscova // Spectateur militaire. VIII. 1829–1830. Русский перевод: Пеле Ж. Бородинское сражение // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1872. Кн. 1. М. 1872.
- ²⁸ Caulaincourt A.-A.-L. Souvenirs du duc de Vicence. Т. 1–2. Bruxelles, 1838. Более полное издание, сопровождавшееся хорошими примечаниями, среди которых помещены выдержки из «Дорожного дневника» Коленкура, выпущено в 1933 г.: Caulaincourt A.-A.-L. Mémoires. Основное русское изд.: Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943.
- ²⁹ Dennée R.-P. Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. P., 1842.
- ³⁰ Ibid. P. 80. Note 1.
- ³¹ Ibid. P. 186–188.
- ³² Berthetzen P. Souvenirs militaires de la République et de l'Empire. P., 1855. Т. 2.
- ³³ Ibid. P. 54–55. Note 1.
- ³⁴ Thiers L.-A. Histoire du Consulat et de l'Empire. Т. 14. P., 1856.
- ³⁵ Собуль А. Указ. соч. С. 235.
- ³⁶ Ibid. P. 313, 315.
- ³⁷ Ibid. P. 348–349.
- ³⁸ Napoléon I. Correspondance de Napoléon I. Т. 23–24. P., 1868.
- ³⁹ Pelleport P. Souvenirs militaires et intimes. Т. 2. P., 1857.
- ⁴⁰ Ibid. P. 28. Note.
- ⁴¹ Fézensac M. Souvenirs militaires. P., 1863. Краткий вариант мемуаров: Journal de la campagne de Russie en 1812. P., 1849. Далее цит. по: Fézensac M. The Russian Campaign, 1812. Athens, 1970.
- ⁴² Ibid. P. 39.
- ⁴³ Girod de l'Ain. Dix ans de mes souvenirs militaires. P., 1873; Brandt H. Souvenirs d'un officier polonais. 1877; Thirion (de Mutz) A. Souvenirs militaires. 1870–1818. P., 1892; Le Manuscrit des carabiniers; Bourgogne A.-J.-B.-F. Mémoires du sergent Bourgogne. P., 1896; etc.
- ⁴⁴ Rambaud A. Français et Russes. Moscou et Sébastopol. 1812–1854. P., 187; Pingaud L. Les français en Russie et les russes en France. P., 1886. Российский читатель хорошо знаком с главой Рамбю о Бородинском сражении в «Истории XIX века». См.: История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбю. Изд. 2. Т. 2. М., 1938. С. 262–265.
- ⁴⁵ Martinien A. Liste des officiers généraux, tués ou blessés sous le Premier Empire de 1805 à 1815. P., 1895. Ejusd. Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les Guerres de l'Empire. 1805–1815. P., 1899.
- ⁴⁶ Fabry G. Campagne de Russie (1812). Т. 1–4. P., 1900–1903.
- ⁴⁷ [Derrecagaix]. Le maréchal Berthier. Т. 2. P., 1905; Ejusd. Le général comte Belliard. P., 1908; Chauvel A. 1812. Notes et documents. Ser. 1–3. P., 1912; Ternaux-Comans. Le général Comans. P., 1912.
- ⁴⁸ См., напр.: Dedem de Gelder. Mémoires du général Dedem de Gelder. P., 1900; Birot H.-F. Souvenirs anecdotiques et militaires. P., 1901; Bertrand V. Mémoires de capitaine Bertrand. Augers, 1909; Grisolia L. Mémoires du général Grisolia. Т. 2. P., 1909; Henckens J.L. Mémoires. La Haye, 1910; etc.
- ⁴⁹ Madelin L. Histoire de Consulat et de l'Empire. Т. 12. P., 1949.
- ⁵⁰ Fugier A. La Révolution française et l'Empire napoléonien. P., 1954. См. также: Сироткин В.Г. Война 1812 г. в общих работах современных историков Франции // История СССР. 1962. № 6. С. 181–191.
- ⁵¹ См., напр.: Gaultier Ch., de La France et son armée. P., 1973.
- ⁵² Grünwald C. La campagne de la Russie. 1812. P., 1963.
- ⁵³ Thiry J. La campagne de Russie. P., 1969.
- ⁵⁴ Blond G. La Grande Armée. 1804–1815. P., 1979.
- ⁵⁵ Tranié J., Carmignani J.-C. La campagne de Russie. Napoléon – 1812. P., 1981.
- ⁵⁶ Garnier J. Borodino // Dictionnaire Napoléon. P., 1987. P. 269–270.
- ⁵⁷ La Seigneur B.-J., Lacombe E. La valeur du commandement: l'exemple de la Moscowa // Revue historique des armées. 1990. Vol. 181. P. 64–72.
- ⁵⁸ Hourtouille F.-G. La Moscowa – Borodino. La bataille des redoutes. P., 2000.